

УДК [1(091)+165.721]»1920|1929»(470+571)(045)

***КОЛОСОВ Владимир Александрович**, доктор философских наук, профессор кафедры философии института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 100 научных публикаций*

ЛИКВИДАТОРСТВО И НИГИЛИЗМ ПО ОТНОШЕНИЮ К ФИЛОСОФИИ В 1920-е годы В СССР И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

В статье рассматриваются ликвидаторские и нигилистические тенденции по отношению к марксистской философии в 1920-е годы в СССР. В связи с этим анализируются взгляды С.К. Минина, Э. Енчмена, И.А. Боричевского, а также «механистов» и «диалектиков». Показано, что большинство советских марксистов подвергло резкой критике эти взгляды, доказывая наличие философии в марксизме и подчеркивая ее важную роль в жизни общества.

Ключевые слова: философия марксизма, материализм, позитивизм, мининщина, енчменизм, ликвидаторство, механицизм, упрощенчество.

В 1920-е годы в нашей стране определенное распространение получили ликвидаторские и нигилистские тенденции по отношению к философии.

Наиболее видным их пропагандистом был С.К. Минин, считавший себя материалистом и диалектиком и «до конца революционером». И он, действительно, был участником революционного движения с 1903 года, а после окончания гражданской войны, с 1923 года, – ректором Государственного ленинградского университета. Им написан также ряд работ по проблемам философии и атеизма.

В 1922 году в марксистском философском журнале «Под знаменем марксизма» (№ 5–6) была опубликована его статья «Философию за

борт!». Она наделала немало шума среди интеллигенции и студенчества, но прежде всего среди самих отечественных ученых-марксистов.

Суть его взглядов, изложенных в статье, состояла в следующем. В начале статьи отмечалось оживление борьбы на теоретическом фронте [имеется в виду борьба марксизма и немарксистских направлений в философии, прежде всего идеалистических. – *К.В.*], а поэтому, по мнению автора, надо твердо отстаивать марксизм. В то же время, считал он, сами ученые-марксисты создают немало путаницы и при том по кардинальным проблемам марксистской теории: например, «идет возня с какой-то “философией марксизма”». Если еще недавно распространялись понятия «религия

марксизма», «религия пролетариата», и они не всем марксистам казались неприемлемыми – «уродливыми и смешными», то сейчас, считает он, это время прошло, во всяком случае «для авангарда рабочего класса».

Что же касается понятия «философия марксизма», то, по его мнению, «на известной стадии это гораздо вреднее и опаснее, чем “религия пролетариата”»¹. Если какой-то марксист и «спутался с религией», то умный рабочий может его поправить. Что же касается «философии марксизма» и «философии пролетариата», то этому рабочему, утверждает Минин, здесь не разобратся.

Далее Минин пишет, что «в последний период развития истории» три главных класса боролись между собой: 1) земледельцы, 2) буржуазия и 3) пролетариат, и они выражали три подхода в понимании мира. И каждый из них стремился дополнить свою вооруженную борьбу еще и духовным оружием». «Помещики-рабовладельцы, феодалы, крепостники, – пользовались оружием религии. Буржуазия воевала при помощи философии. Пролетариат же опирается в борьбе исключительно на науку»². Отсюда он делает вывод, что «религия – оплот помещичьего класса», «философия – опора буржуазии», а «наука – меч пролетариата». И к этому он еще добавляет, что «философия – это полувера, полужнание, полуоткровение, полунаука. Вернее, философия больше вера, чем знание, она ближе к религии, чем к науке... Философия – это дуализм, или, еще хуже, эклектика. Оно и понятно: философия – это духовный оттиск буржуазии, квинтэссенция ее классового духа»³.

Отрицая право философии на самостоятельное существование, Минин с сожалением отмечает, что «философию признавал даже ... Маркс»⁴. Но такое признание философии у Маркса, а также у Энгельса, утверждает он, относится лишь к началу их творческой деятельности. В качестве доказательства того, что Энгельс в дальнейшем отрицает философию вообще, Минин приводит его высказывание: «...За философией, изгнанной из природы и из

истории, остается, таким образом, еще только царство свободы чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика»⁵. Логику и диалектику Минин трактует только как науки.

С.К. Минин вынужден также признать, что о философии марксизма писали Г.В. Плеханов и В.И. Ленин, но в статье не комментируются их высказывания. Автор требует прислушаться и к врагам марксизма, отечественным идеалистам, которые утверждают, что философия тесно связана с религией, приводит к идее существования бога, а это, заявляет Минин, неприемлемо для марксиста.

Окончательный же вывод в его статье следующий: «Оборудуя и достраивая наш научный корабль, позаботимся в первую очередь с капитанского мостика вслед за религией без остатка вышвырнуть за борт и философию»⁶.

У Минина нашлись и сторонники. Как отмечали известные исследователи отечественной социологии и философии 20-х годов Б.А. Чагин и В.И. Клушин, в Петрограде это были Д. Максимов и Г. Горбачёв, в Москве – П. Блонский и Г. Сафаров, в Царицыне – В. Смоленский, в Смоленске – В. Миллер, на Украине – В. Рожицын, Б. Таль. Эти позиции разделяли и некоторые представители теории научной организации труда, например А. Гольцман, А.К. Гастев. Нигилистическое отношение к философии проявляли и механисты⁷.

Б. Таль утверждал, что призыв Минина означает, что последовательная материалистическая философия перестает быть ею, превращаясь в науку (см.: Агитпропаганда. 1922. № 7. С. 85–86). В. Миллер же подверг критике Г.В. Плеханова за стремление обосновать философию марксизма, в то время как у марксистов ее вообще нет (см.: Науч. изв. Смолен. ун-та. 1924. Т. 1. С. 159).

Что же касается «механистов» или «механицистов», то можно сказать следующее: во второй половине 20-х годов шли бурные дискуссии между ними: с одной стороны, Л.И. Аксельрод, И.И. Степанов, А.И. Варьяш, В.Н. Сарбьянов и другие философы, а также А.К. Ти-

миряев, С.С. Перов, Г.Г. Боссэ и другие ученые-естествоиспытатели, с другой – «деборинцы» или «диалектики»: А.М. Деборин, Н.А. Карев, И.К. Луппол, Я.Э. Стэн, Г.К. Баммель и другие, в основном философы.

Вопрос прежде всего шел о понимании самой философии и о сводимости или несводимости высших форм движения материи к низшим. Эти дискуссии во многом шли на разных языках, ибо в это время не были отработаны некоторые категории диалектики, в первую очередь «сводимость», а в понятие «механицизм» противники вкладывали разный смысл. «Механисты» прежде всего понимали под ним широкое использование методов естественных наук при анализе любых явлений и процессов, в то же время нередко нарушая меру. «Деборинцы» же утверждали, что они растворяют высшие формы движения материи в низших. «Механисты» нередко сводили диалектический материализм к общим выводам естественных наук, поэтому полагали, что и не нужна какая-то особая философия, сам диалектический материализм понимался как соединение исторического материализма с механистическим естествознанием, а исторический материализм в свою очередь сводился лишь к методу исследования, отрицались за ним функции общесоциологической теории.

Так И.И. Степанов утверждал, что «для марксистов не существует области какого-то “философствования”, отдельной и обособленной от науки, с какими-то своими, будто бы особыми, специфическими методами исследования»⁸.

В.Н. Сарабянов, характеризуя исторический материализм, писал, что «исторический материализм не исследует специально никакой области общественной жизни, он является наукой, работающей над отделкой метода»⁹.

А.М. Деборин в противовес им заявлял, что естествознание должно раствориться в философии¹⁰, а механика есть «лишь специальный случай диалектики»¹¹.

Сам А.М. Деборин, резко критикуя отрицателей философии в марксизме, одновременно диалектический материализм понимал как метод исследования, как методологическую науку¹².

Исторический материализм в этом плане трактовался как его второе наименование применительно к обществу.

Подобный взгляд разделяли и его сторонники – Н. Карев, И. Луппол и др. Н. Карев писал, что «место “самостоятельной философии” занимает научный материалистический метод... В приложении к истории исторический материализм есть тогда тоже прежде всего метод»¹³. И.К. Луппол также рассматривал исторический материализм как метод, который, прилагаясь к общественным явлениям, дает теорию этих явлений или, в лучшем случае, метод и теорию научного коммунизма, к которой он приводит в области истории¹⁴.

Таким образом «деборинцы» отрицали или, как минимум, игнорировали наличие функции общеполитической теории у диалектического материализма и функции общесоциологической теории – у исторического материализма. И в этом плане они смыкались с механистами. Следовательно, и их борьба против отрицателей философии в марксизме не могла быть до конца действенной.

Среди отрицателей самостоятельности философии в эти годы выделялся своей позитивистской позицией И.А. Боричевский, который утверждал, что наука устанавливает свою философию, т. е. «наука – сама по себе философия»¹⁵. И он предлагал заменить философию науковедением, которое выступает связующим звеном между современным естествознанием и марксистской социологией.

Но особенно поразительной, и не только с точки зрения науки, но и вообще здравого смысла, была в эти годы позиция Э. Енчмена. В своих работах «Восемнадцать тезисов о теории новой биологии» (Пятигорск, 1920) и «Теория новой биологии и марксизм» (Петербург, 1923) он рассматривал философию как науку, защищающую интересы эксплуататоров, а следовательно, подлежащую ликвидации. И он призывал уничтожить «кафедры по философии и психологии буржуазных или социалистических университетов и академий»¹⁶. Также подлежали ликвидации, по мнению Енчмена,

все психологические, социальные и социологические или гуманитарные теории, и даже естественно-научные теории, кроме теорий физики и химии. И «вслед за низвержением эксплуататорских классов» начнется, провозглашал он, отмирание знания, познания, разума, логики, гибели идеологии¹⁷. Все ликвидируемое и отмирающее заменит его теория новой биологии. «Теория новой биологии, – утверждал он, – это прямое и неизбежное развитие подлинного, ортодоксального марксизма»¹⁸. В основе ее лежит «единая система органических движений». Освобождаясь от разума, общество переходит во внелогическое бытие, в результате чего предельно упрощаются общественные отношения.

И эта вульгаризация и крайнее упрощенчество общественной жизни, освобожденной от философии и многих наук, тем не менее были восприняты среди некоторой части революционной молодежи, особенно радикально настроенной к старому буржуазному строю, стремящейся все то, что его характеризовало, «крушить и ломать». Здесь нашли отражение пролеткультовские идеи уничтожения старой культуры и строительства новой социалистической на совершенно голом, чистом месте.

Против ликвидаторов философии, негативного отношения к ней и упрощенческого понимания выступали в эти годы многие советские ученые-обществоведы, наиболее глубоко освоившие марксизм: В.И. Невский, М.В. Серебряков, С.И. Канатчиков, В. Румий, А.Г. Троицкий, Л.Ф. Спокойный и др.

Обстоятельно, например, позицию С. Минина, а вместе с ним и других отрицателей философии разобрал в журнале «Под знаменем марксизма» (1928. № 5–6) В. Румий. Критикуя утверждение С. Минина, что пролетариат опирается на науку и ему не нужна философия, В. Румий отмечает, что опора на науку никак не исключает наличие у пролетариата собственной философии: «Отличительная особенность материализма в том именно и состоит, что его выводы не противоречат выводам науки. Наука, в свою очередь, лишь укрепляет философский материализм...»¹⁹. Он подчеркивает, что фило-

софия марксизма есть диалектический материализм, поэтому «выбросить за борт философию – значит выбросить за борт материализм. А сделать это – значит поднять руку против самого себя...»²⁰.

Нельзя также понимать философию только как опору буржуазии, считает Румий, хотя буржуазия в свое время и боролась с феодализмом, опираясь на философию, но эта философия была материалистической и революционной, кроме того, философия К. Маркса и Ф. Энгельса тесно связана с предшествующей философией и не только материалистической, использует ее положительные идеи.

Что же касается довода С. Минина о необходимости выбросить философию из марксизма потому, что отечественные философы-идеалисты Радлов и Дебольский доказывали, что она тесно связана с религией и приводит к идее существования бога, то В. Румий подчеркивает, что связана как раз именно идеалистическая философия, а не материалистическая.

Им отмечается и крайне упрощенческий подход в утверждении С. Минина о трех способах понимания мира: религии, философии и науки, отсутствие в таком понимании диалектики: буржуазия действительно использовала в борьбе против феодализма материалистическую философию, современная же буржуазия использует религию в борьбе против трудящихся. Неверно и то, считает Румий, что религия всегда – это «духовное оружие помещиков и феодалов» – она используется всеми эксплуататорскими классами, кроме того, «религия возникла задолго до образования класса земледельцев, до феодализма»²¹.

Следовало бы добавить, что такое заявление Минина слишком категорично, прямолинейно еще и потому, что в религии были и есть и положительные черты, например гуманистические. Пролетариат же опирается не только на науку и собственную философию, но и, например, на литературу и искусство. Достаточно вспомнить хотя бы роман М. Горького «Мать», то, какую существенную роль он сыграл в революционной борьбе российского пролетариата, да и не

только российского. Науку же используют все эксплуататорские классы, но, конечно, в разное время по-разному и в разной степени.

Что же касается отношения К. Маркса и Ф. Энгельса к философии, то Румий подчеркивает, что в их работах нет высказываний против «философии в новом смысле слова», то есть собственной, а отрицается философия, которая претендовала на роль науки всех наук.

«У философии, – писал по этому поводу А.Г. Троицкий, – снята не голова, как полагают “ликвидаторы”, а лишь корона бывшей “царицы наук”»²² и «философия продолжает стоять там, где ей полагается: на капитанском мостике»²³.

Критике подверглась и позиция И.А. Боричевского – «наука сама по себе философия». В работах В.И. Невского, М.В. Серебрякова, А.М. Деборина, Н.А. Карева, Л.Ф. Спокойного и других марксистов была показана несостоятельность противопоставления науки и философии, подчеркивалась научность марксистской философии, ее значение для пролетариата в борьбе против оппортунизма и в целом в жизни общества. Один из видных марксистов того времени В.И. Невский характеризовал такую позицию как разновидность «математического позитивизма» и приводил высказывание В.И. Ленина в защиту философии. М.В. Серебряков показал несостоятельность понимания Боричевским не только философии и науки, но и идеологии, и упрекал его в отступлении от марксистского понимания истории.

Особое же неприятие со стороны многих марксистов вызвали ликвидаторские идеи Э. Енчмена. Уничтожающей критике в статье «Енчмениада» их, в частности, подверг Н.И. Бухарин, который характеризовал взгляды Енчмена, как проявление «чудовищного идеологического искривления», и подчеркивал, что его «идеология явно враждебная марксизму». С его точки зрения, «непосредственными источниками “бесконечно гениальных” откровений блаженного Эммануила являются писания эмпириокритиков, позитивистов и неокантианцев, т.е. на 90 % чистых идеалистов, буржуазных до мозга костей»²⁴. Н.И. Бухарин показал,

что у него «полнейшее непонимание материалистической теории и что его воззрения – это также “глубочайший индивидуализм”, “стыдливый солипсизм”, “смесь вульгарного «материализма» с идеалистической сущностью” и “упростительский практицизм”». Он вскрывает первоисточник таких «енчмениад» – это «чрезвычайная запутанность наших социально-экономических отношений, одновременное существование самых разнообразных хозяйственных форм и соответствующих им людских группировок, сложный переплет этих элементов, их крайняя подвижность и т.д.»²⁵. В заключении статьи он, по нашему мнению, делает весьма важные выводы: «Безусловно, правда, что мы должны развивать марксизм, т.е. вносить новое в наше учение. Но эта правда превращается в свою собственную противоположность, когда новые (по отношению к марксизму) элементы изменяют сам метод нашего учения. Безусловно, правда, что мы должны идти ко все возрастающему объединению различных специальных дисциплин. Но эта правда превращается в неправду, если из нее делается вывод об уничтожении всех этих частных дисциплин и о замене их парой тощих положений»²⁶.

Г.К. Баммель, называя в статье «На философском фронте после Октября» течения, в борьбе с которыми вырос и окреп диалектический материализм: богдановщину, мининщину, психологизм, енчменизм, идеологию Георга Лукача, и анализируя взгляды Енчмена, писал: «Общественно-психологическое содержание енчменизма мы могли бы охарактеризовать как радикализм, критикующий слева старую культуру»²⁷. И он также подчеркивал, что «если мининщина была своеобразным, “кривым” беспомощным выражением протеста против поднявшей голову буржуазной философии, то ту же самую роль и в той же карикатурной, “неправильной”, извращенной форме играл енчменизм в области социально-психологического настроения наших кадров»²⁸.

В 20-е – начале 30-х годов критиковались и философы, прежде всего механисты и некоторые деборинцы, которые сводили общефилосо-

софский материализм и исторический материализм лишь к методам исследования, отрицая наличие у них функций общефилософской и общесоциологической теорий или игнорируя их.

И.Ф. Куразов, например, характеризовал взгляды тех, кто считал, что исторический материализм образовался как совокупность общих выводов общественных наук, а диалектика из общественных и естественных, как «грубый эклектизм, который частью объясняет целое, историей заменяет логику, исследованием – объяснение»²⁹. «Исторический материализм, – утверждал он, – является методом частных общественных наук только потому, что он одновременно является “наукой об общих законах развития общества”»³⁰.

И.П. Подволоцкий, хотя и принадлежал к группе А. Деборина, тем не менее подчеркивал, что «в марксизме вообще не может быть такой постановки вопроса: метод, а не наука»³¹.

Ликвидаторство и нигилизм по отношению к философии были обстоятельно рассмотрены в книге А. Самойлова «Детская болезнь “левизны” в материализме» (1926). В ней исторический материализм в качестве составной части философии марксизма трактовался как научная теория и как метод исследования.

Проблеме единства теории и метода в философии было уделено также значительное внимание в «Дискуссии о марксистском понимании социологии» (Историк-марксист. 1929. № 12.) и «Критика теоретических основ бухаринской концепции исторического материализма» (Вестн. Коммунистической академии. 1929. Кн. 35–36).

Следует особо подчеркнуть, что большинство пропагандистов ликвидаторских и нигилистических идей по отношению к фило-

софии в 20-е годы считали тем не менее себя марксистами и многие из них в дальнейшем отказались от подобных взглядов. Сами же эти взгляды были вызваны тем, что их представители в первые годы после революции не смогли понять и оценить всю глубину марксизма. Двадцатые годы – это был период всеобщего обучения марксизму его сторонниками и поэтому, к сожалению, на первых порах ошибки в понимании марксизма и его упрощенчество были неизбежны. Сыграла свою роль в распространении таких идей и выдвинутая представителями Пролеткульта установка на пролетаризацию всего научного знания.

Еще одна причина их распространения – многоукладность экономики в тот период. Данные идеи поддерживались определенными идеологами укладов несоциалистического характера, прежде всего буржуазным и мелкобуржуазным.

Нельзя также не отметить, что в советский период научной фактически считалась лишь марксистско-ленинская философия, другим же философским направлениям отказывалось в подобном качестве. И в этом тоже проявлялся негатив по отношению к философии в целом. Большинство марксистов 20-х годов были приверженцами именно такой позиции.

Нападки на философию, к сожалению, продолжаются и в настоящее время, в постсоветский период. Но идут они с принципиально иных позиций, что в советское время.

Теперь «перевертышами» от марксизма и его философии идет критика, иногда оголтелая, марксистско-ленинской философии как якобы чисто идеологизированной, а потому ненаучной. Но этот вопрос требует специального рассмотрения.

Примечания

¹Минин С.К. Философию за борт! // На перепутье. Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов / сост. П.В. Алексеев. М., 1990. С. 203.

²Там же. С. 204.

³Там же.

⁴Там же. С. 205.

- ⁵Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 316.
- ⁶Минин С.К. Указ. соч. С. 209.
- ⁷См.: Чагин Б.А., Клушин В.И. Борьба за исторический материализм в СССР. Л., 1975. С. 142–161.
- ⁸Степанов И. Исторический материализм и современное естествознание. М.; Л., 1926. С. 55.
- ⁹Сарабьянов И. Исторический материализм. Популярные очерки. М.; Л., 1922. С. 8.
- ¹⁰См.: Деборин А.М. Диалектика и естествознание. М., 1929. С. 6.
- ¹¹Деборин А.М. Энгельс и диалектическое понимание природы // Под знаменем марксизма. 1925. № 10–11. С. 8.
- ¹²См.: Деборин А.М. Очерки теории материалистической диалектики. Очерк первый. Предмет философии и диалектики // Под знаменем марксизма. 1926. № 11. С. 14.
- ¹³Карев Н. Проблема философии в марксизме // Под знаменем марксизма. 1925. № 8–9. С. 26.
- ¹⁴См.: Лунпол И. Ленин и философия. М., 1930. С. 167.
- ¹⁵Боричевский И.А. Введение в философию науки (наука и метафизика). Пг., 1922. С. 100–101.
- ¹⁶Енчмен Э. Теория новой биологии и марксизм. Вып. 1. Пг., 1923. С. 80.
- ¹⁷Там же. С. 31, 39, 45.
- ¹⁸Там же. С. 24.
- ¹⁹Румий В. Философию за борт? // На перепутье. Философия и мировоззрение. С. 210–211.
- ²⁰Там же. С. 213.
- ²¹Там же. С. 210.
- ²²Большевик. 1925. № 17–18. С. 18.
- ²³Большевик. 1925. № 19–20. С. 25.
- ²⁴Бухарин Н.И. Енчмениада // На перепутье. Философия и мировоззрение. С. 236.
- ²⁵Там же. С. 232.
- ²⁶Там же. С. 242.
- ²⁷Баммель Гр. На философском фронте после Октября. М., 1929. С. 71.
- ²⁸Там же. С. 72.
- ²⁹Куразов И.Ф. Исторический материализм. М.; Л., 1929. С. 69.
- ³⁰Там же. С. 72.
- ³¹Критика теоретических основ бухаринской концепции исторического материализма. Выступл. И.П. Подволоцкого // Вестн. Коммунистической Академии. 1929. Кн. 35–36. С. 291.

Kolosov Vladimir Alexandrovich

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

LIQUIDATIONISM AND NIHILISM IN RELATION TO PHILOSOPHY IN THE SOVIET UNION IN THE 1920S AND THEIR OVERCOMING

The article considers liquidationist and nihilistic tendencies in relation to Marxist philosophy in the USSR in the 1920s. In connection with this, the views of S.K. Minin, E. Enchmen, I.A. Borichevsky as well as of “mechanists” and “dialecticians” are analyzed. It is shown that the majority of Soviet Marxists strongly criticized these views, showing the presence of philosophy in Marxism and highlighting its role for the society.

Key words: *Marxist philosophy, materialism, positivism, mininism, enchmenism, liquidationism, mechanism, simplism.*

Контактная информация:
e-mail: kmi49@mail.ru

Рецензент – Ульяновский В.И., доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления института экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова